

**Д.Р. Шарафутдинов
Екатеринбург**

**Динамика функциональной значимости русского
литературного языка и русских территориальных диалектов
в XX веке: социально-психологический аспект**

В социально-коммуникативном пространстве современной России в целом положение русского литературного языка представляется несопоставимо более стабильным, устойчивым, прочным, нежели положение русских территориальных диалектов. В современном российском обществе территориальные диалекты русского языка фактически не используются в сферах официального, социально ответственного общения, им отводится роль средства повседневного общедомашнего устно-разговорного общения в сельской местности. Более того, многие междиалектные различия и сами диалекты постепенно нивелируются, в частности, под влиянием все усиливающих свои социальные позиции литературного языка, общего и молодежного жаргонов, отчасти – городского просторечия. Можно утверждать, что в течение уже продолжительного времени диалекты уступают позиции в коммуникативном пространстве России своим наддиалектным «конкурентам». В массовом сознании городского населения России (а значит – большинства наших сограждан) со временем сложилось стереотипное аксиологическое – преимущественно иронически-снисходительное – отношение к территориальным диалектам и к самим диалектоносителям.

Обсуждаемое положение дел сложилось преимущественно в советскую эпоху, хотя некоторые предпосылки к этому возникли еще в дореволюционное время. Столетие назад, в начале двадцатого века, соотношение социального положения русского литературного языка и русских диалектов в Российской империи было совершенно иным – в известном смысле противоположным нынешнему. Страна была преимущественно аграрной. Основной (в социальном плане) слой общества составляли крестьяне, являвшиеся диалектоносителями. Процент носителей литературного языка был сравнительно невелик: преимущественно это были представители аристократии, дворянской и разночинной интеллигенции, духовенства. Огромная часть русско-

говорящего населения империи не владела системой литературных норм в полной мере (в особенности, в плане продуктивной речевой деятельности). В этих условиях на фоне весьма стабильного, прочного социального положения диалектов социальные позиции литературного языка были довольно скромными.

Ситуация «перевернулась» буквально за несколько десятилетий. Радикальному изменению социального соотношения литературного языка и диалектов в России в двадцатом веке способствовали, на наш взгляд, три генеральных фактора:

1. Интенсивный процесс урбанизации, быстрый рост городов и, соответственно, численности городского населения на фоне неуклонного уменьшения численности населения сельского. Массовый отток населения из сельской местности в города был обусловлен в разное время различными факторами, среди них: целенаправленно проводимая советским руководством политика индустриализации, мощное заводское строительство, обеспечившее в дальнейшем промышленный подъем, - эта индустриальная политика требовала соответствующего кадрового обеспечения; значительные расхождения в уровне и качестве жизни, в доступе к возможностям социального роста в крупных городах и на селе; введение паспортов для сельских жителей и др. Очевидно, что в аспекте рассматриваемого противопоставления «литературный язык – территориальные диалекты» внутренняя миграция населения, обеспечивающая урбанизацию, усиливает социальные позиции именно литературного языка, поскольку город – место бытования прежде всего литературного языка (а также городского просторечия и социолектов); территориальные диалекты распространены в основном в сельской местности.

Оказавшись в условиях города, диалектоноситель (в особенности молодой), как правило, стремится всячески избавиться от диалектных особенностей в своей речи, «убежать» от родного говора, старается говорить иначе, «по-городскому». Со временем многие вполне успешно овладевают системой литературных норм, в других случаях общение осуществляется при помощи разного рода гибридных нелитературных идиомов, формирующихся в результате взаимодействия городского просторечия,

общего и групповых жаргонов, разговорно-литературного языка.

Фактически речь идет о динамике сравнительной характеристики литературного языка и диалектов по признаку «демографическая обеспеченность (демографическая мощность) идиомов» в рассматриваемый период: демографически неравновесная – в пользу диалектов – ситуация начала двадцатого века через пять-шесть десятилетий сменилась ситуацией, демографически также неравновесной, но уже с доминированием литературного языка.

2. Бурное развитие средств массовой коммуникации – печатных и электронных СМИ, книгопечатания, кинематографа и др. В России средства массовой коммуникации используют преимущественно (а в советское время, пожалуй, исключительно) литературный язык. В отличие от социолектов, территориальные диалекты в данной коммуникативной сфере не применяются вообще (речь не идет о ситуации отражения общения с диалектоносителем или имитации диалектной речи в произведениях художественной литературы, театра, кинематографа).

3. Программа ликвидации неграмотности («ликбез»), целенаправленно и планомерно осуществленная советским руководством в 20-30-е годы (по данным переписи, проведенной в Российской империи в 1897 г., грамотные составляли менее трети – 28,4% - населения в возрасте от 9 до 49 лет), развитие системы образования, введение принципа обязательности среднего образования.

Рассматриваемые обстоятельства способствовали не только радикальному изменению социального положения литературного языка и диалектов. У значительной части нашего общества, ставшего в двадцатом веке преимущественно «городским», сформировалось специфическое оценочное, как правило, иронически-снисходительное отношение к территориальным диалектам и их носителям. В массовом «городском» сознании диалектоноситеlem в той или иной степени ассоциируется с архаичностью, провинциальностью, отсталостью, «непродвинутой». Диалектная речь или диалектные приметы в речи индивида нередко используются авторами разнообразных произведений для создания комического эффекта.

Думается, что все это – отчасти наследие советской эпохи, следствие той специфической ситуации в советском обществе, при которой лозунг о стирании грани между городом и деревней на деле обернулся своей противоположностью, превратившись в один из ключевых компонентов социальной мифологии. Социально-экономические условия и демографические характеристики «деревни», как правило, резко отличались (и продолжают отличаться) от соответствующих показателей городской, в особенности столичной, жизни. Многовековые российские традиции сверхцентрализации всех сторон жизни общества, традиции «возвышения центра» весьма ярко и крайне неоднозначно проявились именно в советское время. Вполне логично, что основным коммуникативным инструментом официального центра в управлении огромным и «многодиалектным» континуумом должна быть принципиально наддиалектная форма существования языка – койне или литературный язык. В связи с этим для развития коммуникативного пространства советского общества характерна тенденция к неуклонному расширению состава общественных функций и сфер использования русского литературного языка – во многом за счет ослабления социального положения русских территориальных диалектов. Феномены истории российского – советского общества получили системное отражение в социальной истории русского языка.

Социальная история, например, немецкого языка складывалась принципиально иначе. Затянувшаяся на многие столетия феодальная и полуфеодальная раздробленность германских земель, длительное сосуществование большого числа отдельных и самостоятельных немецких государств – королевств, герцогств, княжеств, отсутствие общего центра, относительно позднее формирование единой Германской империи (1871 г.) и др. исторические факторы способствовали консервации сильной диалектной дробности и глубоких междиалектных различий в немецком языке. В настоящее время диалекты немецкого языка в социальном отношении чрезвычайно самостоятельны, активно используются населением, в том числе городским, соответствующих территорий в различных коммуникативных сферах, включая ситуации социально ответственного, культурно значимого общения; в Германии существует традиция создания и из-

дания литературы на диалектах и т.д. Говорить на своем диалекте (естественно, в условиях определенного региона) не зазорно и «официальным лицам» – чиновникам, политическим и общественным деятелям. В общем, социальный авторитет диалектов немецкого языка в Германии достаточно высок и, уж во всяком случае, несопоставимо выше соответствующей характеристики диалектов русского языка в России. По-видимому, отчасти это обусловлено гораздо более равномерным, сбалансированным социально-экономическим развитием Германии, основывающемся на принципах подлинного федерализма (отсюда – отсутствие там столь характерной для жизни российского общества остроты оппозиций города и деревни, центра и периферии).

В свете сказанного теоретически важным представляется следующий момент. Изучение языковой ситуации определенного региона (страны) предусматривает сопоставительное рассмотрение составляющих данную языковую ситуацию идиомов – как отдельных и самостоятельных языков, так и форм существования одного языка – в аспекте целой серии социолингвистических категорий, специфическое место среди которых занимает **социальный престиж идиома**. Данная характеристика отражает устойчивую сознательную сравнительную оценку индивидом и обществом в целом культурной престижности используемых в этом обществе идиомов. Речь идет об аксиологическом сравнении сосуществующих в коммуникативном пространстве конкретного социума идиомов по шкале «возвышенное – обыденное». Обсуждаемое сравнение в определенной степени коррелирует с оппозицией сфер официального, социально ответственного и неофициального, обиходно-бытового общения. Признак «социальный престиж идиома» тесно связан с понятием литературной нормы, но все же является особой, самостоятельной характеристикой (см. об этом, в частности, работы Л.П. Крысина). Будучи изначально социально-психологической и социокультурной, данная характеристика обладает несомненной психолингвистической и социолингвистической значимостью.

Представляется очевидным, что в условиях современной России в оценке огромного большинства населения социальный престиж русского литературного языка несоизмеримо выше, чем социальный престиж русских территориальных диалектов,

что, как следствие, сказывается и на социальном положении – весьма неравном – рассматриваемых идиомов. Фактически мы имеем дело с проявлениями вполне определенного социального стереотипа – устойчивого обобщенного оценочного представления, сформировавшегося в массовом сознании большинства носителей русского языка и русской «урбанистической» культуры в советское время. Думается, что в этом – одно из важнейших психолингвистически и социолингвистически значимых последствий драматических событий истории России в двадцатом веке.

©Шарафутдинов Д.Р., 2008